

**БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО В СТАНОВЛЕНИИ
ТРАДИЦИИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
(ПАМЯТИ С. Э. КРАПИВЕНСКОГО)**

В феврале – мае 2004 г. на базе социологической лаборатории Волгоградского государственного университета был реализован проект «Волгоградская социология: ретроспектива», в рамках которого реконструировалась история эмпирической социологии в нашем регионе: проблемы ее становления, тематика и основные результаты исследований на основе метода биографических интервью. В числе интервьюируемых был и Соломон Элиазарович Крапивенский, воспринимающийся волгоградской научной общественностью, прежде всего, как социальный философ, то есть в первую очередь как глубокий методолог и лишь затем как практик. Не отрицая устоявшихся взглядов, хотелось бы обратить внимание на еще один – существенный – пласт персональной биографии ученого, связанный со становлением традиции эмпирического социологического анализа социальной действительности в нашем регионе.

Материалы проведенного интервью воспроизводят облик человека, судьба которого оказалась тесно связанной с историей институционализации и легитимации конкретных социальных исследований в нашей стране во второй поло-

вине XX века. Они открывают новые аспекты персональной биографии С.Э. Крапивенского, знакомя с тем направлением профессиональной самореализации, в котором он проявился не только в качестве теоретика, разрабатывающего социальную модель на основе синтетической философской методологии, но и как исследователь социальной повседневности, наблюдающий за течением обыденной жизни, регистрирующий события и проблемы, пытающийся понять явные и скрытые механизмы социальных отношений, выявить направленность социальных изменений, в том числе тенденции, укорененные в российской истории.

Сегодня, когда социологические кафедры имеются в каждом вузе города и успешно действует не один десяток коммерческих структур, самостоятельно осуществляющих социологические исследования, трудно представить, что первые свои шаги в Волгограде прикладная социология сделала каких-нибудь сорок лет назад, а Соломон Элиазарович Крапивенский, по единодушному признанию ее первых проводников – исследователей, администраторов, просто поклонников – был одним из наиболее ярких энтузиастов полевых социологических разработок.

История волгоградской эмпирической социологии начинается свой отсчет с конца 60-х – начала 70-х годов. Именно тогда, на базе двух крупнейших институтов – Волгоградского сельскохозяйственного и Волгоградского политехнического – возникли первые лаборатории эмпирических социологических исследований. К середине 80-х гг. опыт социальных исследований наличествовал практически во всех вузах города, чему способствовало создание специальной инфраструктуры научных исследований – отделов НИР, НИОКР, НИРС, действовавших на принципах хозрасчета. При этом исследования проводились, как правило, на базе кафедр обществоведения, которые, в свою очередь, инициировали создание социологических лабораторий при возрастании объема работ. С.Э. Крапивенский, будучи заведующим кафедрой философии

и научного коммунизма Волгоградского сельскохозяйственного института, являлся научным руководителем созданной лаборатории в период с 1970 по 1979 гг., а позднее, перейдя на работу в Волгоградский государственный университет, инициировал создание аналогичной лаборатории при кафедре философии, действовавшей с 1982 по 1994 гг.

В 70-е гг. появляются и первые заводские социологические службы на промышленных предприятиях Волгограда – Волгоградском нефтеперерабатывающем заводе (1974) и заводе «Каустик» (1975). Развиваются сетевые профессиональные взаимосвязи и связи со столичными социологическими центрами (при этом промышленные социологи активно участвуют в проектных разработках отраслевых научно-исследовательских институтов, а вузовские социологи в большей степени взаимодействуют с академическими научно-исследовательскими структурами), появляются публикации, содержащие данные эмпирических разработок, волгоградские исследователи принимают активное участие в стажировках и конференциях все-российского и международного уровней, представляя результаты своей работы профессиональному сообществу.

Реконструкция персональной биографии ученого вольно или невольно обращается к социально-историческому контексту, связанному с развитием той области знания, в которой он работал. В целом возникновение социологических лабораторий (а в этот период они возникли во многих промышленных городах страны) отразило изменение управленческой парадигмы на общегосударственном уровне. Новый подход воплотился в лозунгах соединения теории и практики, науки и производства, а поиск эффективных управленческих технологий осуществлялся в направлении исследования социальных резервов труда, то есть обращения к самому человеку как субъекту трудового процесса и объекту управленческого воздействия.

Можно сказать, что в этот период в советском обществе начинают применяться элементы концепции «менеджериа-

лизации» управления, которая является универсальной для развитых индустриальных обществ и активно внедряется в практику производственного управления западных стран уже с 30–40-х гг. (собственно говоря, с этого времени начинаются активные производственные эксперименты в американской социологии), хотя, безусловно, возникающие социальные инновации необходимо рассматривать с учетом доминирующей в тот период идеологической концепции и, в частности идеи всеобщего планирования. И все же факт остается фактом – в 60-е гг. перед советской общественной наукой был поставлен социальный запрос на исследование реальных социальных процессов, связанных с выявлением факторов трудовой активности, влияния производственных и непроизводственных условий на мотивацию работника. Соответственно, данным запросом определялось и возникновение традиции эмпирических социологических исследований. Приведем выдержки из интервью с С.Э. Крапивенским:

И.: Каким образом возникла Ваша лаборатория? Какова была проблематика исследований? С.Э.: Поскольку лаборатория была создана в сельскохозяйственном институте, то нашим объектом изучения стало село, а предметом – социальное развитие села. Нужно сказать, что тогда уже появилась своего рода мода на составление плана социального развития сельскохозяйственных производственных коллективов, колхозов и совхозов. И мы за это, можно сказать, ухватились. Нам удалось заключить договор с Котельниковским райисполкомом для составления планов развития хозяйства этого района. У нас, соответственно, был штат в лаборатории, и мы занимались следующими разделами – нас интересовали экономика хозяйства, совершенствование профессиональной структуры коллектива, повышение социальной активности людей, совершенствование взаимоотношений в коллективе. Кроме того, нас интересовали вопросы отдыха, труда.

Здесь необходимо оговорить важный, на наш взгляд, момент. Несмотря на существование социального заказа, практически почти на всем протяжении 70-80-х гг. число действующих социологических лабораторий оставалось незначительным, а достижения самой прикладной социологии оценивались далеко неоднозначно, неоднократно подвергались критике как со стороны самой власти, инициировавшей социальный заказ, так и со стороны академических школ, придерживавшихся ортодоксальных идеологических позиций. Почему оказалась возможной эмпирическая социология в тот период времени в принципе? Безусловно, нельзя отрицать интерпретации, наличествующие в современных учебниках по истории социологии, которые связывают институ-ционализацию советской эмпирической социологии либо с оттепелью 60-х и рождением критической, радикальной традиции социального анализа, либо с новым политическим курсом 70-х и трансформацией марксистско-ленинского конструирования социальной реальности под знаком идеологии «развитого социализма». Но все же главным фактором появления и распространения конкретных социологических исследований стал научный интерес, активная творческая позиция ученых-гуманитариев, использующих возможности, открываемые новой социальной ситуацией. И хотя процесс создания социологических лабораторий санкционировался партийно-государственной властью, выступавшей в качестве основного заказчика опросов общественного мнения, становление самой эмпирической социологии как традиции объективной регистрации и интерпретации фактов социальной реальности было связано с исследовательской инициативой формирующегося профессионального сообщества. Вместе с конкретными социологическими исследованиями открывались возможности для освоения новых сфер социального опыта, новых методов и инструментов получения социального знания. Не случайно в биографических интервью социологов-семидесятников доминирует романтичес-

кий настрой и приводится следующее, может быть, наивное объяснение профессиональной мотивации:

И.: А что для Вас послужило мотивом прийти к социологическим исследованиям, к социологии, что Вас подтолкнуло?

С.Э.: Главный мотив заключался в том, чтобы кафедре нашей, при которой была создана лаборатория, кафедре философии, выйти на саму жизнь, понимаете, чтобы не вариться в отрыве от действительности, а чтобы постараться, как-то воздействовать на нее...

Эмпирическая социология осознавалась в большей степени в гуманистическом ключе, рассматривалась с точки зрения возможности практически повлиять на ту или иную проблемную ситуацию, предложить оптимальные способы ее решения с учетом мнения людей. Конкретные социологические исследования – это открытие нового знания, выход на предельный рубеж социальной теории, это живая научная работа, которая давала новые перспективы профессиональной самореализации:

И.: Скажите, пожалуйста, интерес Вашей исследовательской группы в Вашей работе – это был какой-то личный субъективный интерес или желание преобразовать общество? Что преобладало? *С.Э.:* И то, и другое, конечно. Потому что мы прекрасно понимали, что общество такое все больше и больше заходит в тупик. Нам казалось, что можно, на основе таких мероприятий, как планы социального развития хозяйства... можно каким-то образом оптимизировать обстановку.

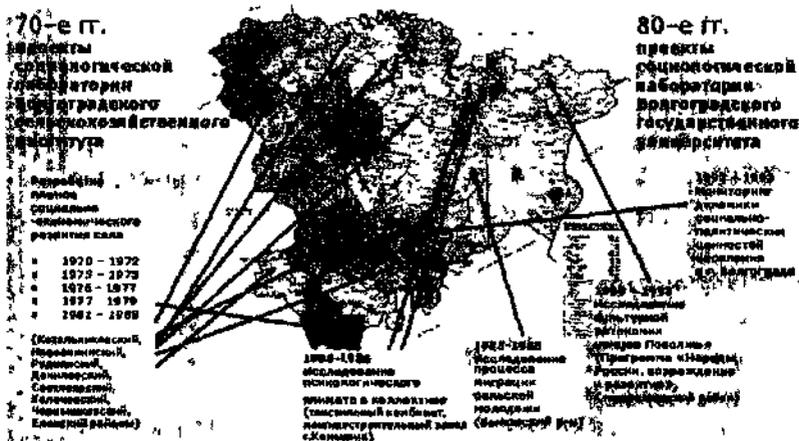
Реконструкция процесса становления эмпирической социологии сквозь призму индивидуальных биографий выявляет один из важнейших аспектов профессиональной мотивации, связанный с осознанием общественного предназ-

начения исследований. Значение данного аспекта в полной мере осознается только с позиций сегодняшнего дня, и во многом благодаря легитимации института общественной экспертизы, начавшейся в современной России, а также признанию возможности существования различных типов (уровней) данной экспертизы. В этой связи можно рассматривать процесс развития российской, в тот период еще советской, социологии как процесс институционализации самостоятельного направления экспертного анализа, формирующего рекомендации в области социального управления на основе опросов общественного мнения. Становление эмпирической социологии – это время первых попыток выхода советских обществоведов в пространство публичной, хотя и ограниченной, реализуемой на площадках специальных государственно-партийных совещаний, социальной экспертизы, которая зачастую вызывала непонимание, но постепенно пробивала себе дорогу благодаря энтузиазму исследователей и управленцев-новаторов, понимавших необходимость такой экспертизы и поддерживающих социологов:

И.: Насколько популярна тогда была профессия социолога? Когда Вы ездили по области, Вас узнавали?
С.Э.: Нет, конечно. Это была, можно сказать, новинка. ... Я вам скажу так, даже экономическая служба на селе появилась только в начале шестидесятых. И то с трудом внедрялась, хотя роль экономиста более понятна и прозрачна. А тут вдруг социолог появляется! Конечно, отношение такое было... довольно такое, я бы сказал, сдержанное. Были энтузиасты, скажем, Александр Михайлович Анипкин – он тогда был второй секретарь Даниловского райкома партии. Он по своей инициативе начал заниматься планами социального развития и пригласил нас туда, чтобы мы их проконсультировали. Еще, например, был Козенко, председатель райисполкома. После выхода книги «Село. План. Человек» он загорелся планами социального развития, и нас тоже несколько человек при-

гласили. Они сделали такой семинар по методике социального планирования. То есть постепенно это набирало силу, и планы осуществлялись, потому что, действительно, в них было много разумного и не всегда нужны были дополнительные материальные затраты. И это набирало силы ... но с начала девяностых, когда начали распадаться хозяйства, приходиться к упадку, конечно, это все кончилось.

В течение 70-х и 80-х гг. только базе социологических лабораторий Волгоградского сельскохозяйственного института, Волгоградского государственного университета было реализовано около двадцати проектов, охвативших практически все районы Волгоградской области и отличающихся достаточно широким диапазоном тематического содержания. Это были проекты, направленные на исследование условий труда и образа жизни селян, исследование межличностного фактора в системе производственных отношений; проблемы миграции, образа жизни и специфики процесса культурной самоидентификации определенных этнических групп, а также традиционные для социологии исследования динамики электоральных предпочтений (см. рисунок).

С. Э. Крапивенский – география исследований

Одной из характерных особенностей развития эмпирической социологии в советский период, отчетливо фиксируемой при реконструкции истории волгоградской социологии, было то, что в большинстве региональных центров – точек «роста» эмпирической социологии – процесс институционализации осуществлялся именно в рамках «вузовской», а не «заводской» социологии. Сама институциональная форма заводской социологической службы первоначально возникла на основе осуществления инновационных социальных экспериментов, инициированных крупнейшими научно-исследовательскими структурами общесоюзного значения, вследствие, так сказать, «академического десанта» со стороны столичных центров. Примерно такая же ситуация наблюдалась и в последующем: социологическая лаборатория зачастую существовала (сохранялась) в качестве самостоятельного функционального подразделения на предприятии благодаря тому, что она одновременно являлась полевым полигоном при реализации работ отраслевых научно-исследовательских институтов, а прекращение проектных разработок приводило к снижению ее статуса, «растворению» в системе кадровой службы, потере предметной специфики. Вузовские социологические лаборатории в этом плане оказались более долговечными и, что немаловажно, более продуктивными.

В этой связи необходимо отметить и то, что «скорость» и устойчивость процесса институционализации эмпирической социологии в стране в целом определялась статусом региональных научных сообществ, которые должны были быть заметными (оказывать реальное влияние на социальный процесс), чтобы быть включенными в практику опросов общественного мнения, то есть должны были быть *сформированными*. Само распространение социологических исследований в том или ином регионе служит своеобразным индикатором наличия научного экспертного сообщества. С этих позиций получает свое объяснение и преобла-

дание соответствующих институциональных структур, базировавшихся в вузах, а не на промышленных предприятиях Волгограда. Данный факт является показателем зрелости и высокого статуса региональной науки, наличия академической традиции и интеллектуального вызова, претендующего на предельную постановку задач и ориентированного на получение не только практических рекомендаций, но и определенного теоретического эффекта. Именно вузовская социология выходила на обобщения макросоциологического порядка, конвертируя эмпирические результаты в теоретические модели, которые, в свою очередь, представлялись в научных изданиях. Сегодня, когда, к сожалению, утеряно большинство социологических отчетов, монографии и статьи вузовских исследователей остаются практически единственным свидетельством наличия эмпирической социологии в Волгограде в 70-е гг., отражающим существенные достижения в указанной сфере.

Наиболее значимыми в этом плане, безусловно, являются работы «Село. План. Человек» (Волгоград, 1975) и «Сельскохозяйственный коллектив как объект социального планирования» (Москва, 1981), в которых подытоживаются результаты десятилетнего периода исследований в рамках составления и внедрения планов социального развития в сельских хозяйствах Волгоградской области и фиксируются тенденции развития российской деревни на основе обобщения социологических данных по целому ряду регионов страны. Основной идеей, развиваемой в работах, стала популярная в то время идея создания специальной социальной технологии (комплекса мероприятий) для эффективной организации процесса производства. Сущность данной технологии определялась формированием долгосрочной мотивации действующих и, в особенности, будущих работников села (молодежи) к активному участию в коллективном производстве. При этом в качестве элементов такой технологии предлагались обоснованные рациональные

модели дифференцированного воздействия на различные социальные группы сельских работников и отношения между ними (Московская школа аграрных социологов под руководством В.И. Староверова) или целенаправленного воздействия на условия жизни селян – инфраструктуру (Новосибирская школа под руководством Т.И. Заславской, традиционно оппонировавшая московской школе).

Так, в монографии С. Э. Крапивенского, который входил в группу московской школы, предлагается рассматривать в качестве основных направлений социального планирования на селе хозрасчет и хозрасчетные отношения подразделений, формирование оптимальной социально-профессиональной структуры населения (снижение миграции за счет профориентации молодежи, целенаправленной подготовки специалистов, а также воспитания и пропаганды), совершенствование отношений в коллективах (разрешение конфликтов, формирование благоприятного климата) и санитарно-гигиенических условий труда, быта и отдыха.

Оценивая предложенную модель с позиций сегодняшнего дня, следует отметить, что само обращение к проблемам человеческих взаимоотношений в процессе труда, рассмотрение субъектов трудовых отношений с позиций ресурсосберегающего подхода имело огромное гуманистическое значение, подобное тому, какое имели хотторнские эксперименты, способствовавшие признанию человеческого фактора производства. Эмпирические исследования советских социологов вполне соответствуют общим тенденциям и запросам двадцатого столетия – они, конечно, могут быть признаны недостаточно «социологическими» с позиций определенного идеологического дискурса, но не с позиций социоинженерного подхода, формирующего новые принципы производственного управления, культуру менеджмента.

Социологов можно упрекнуть только в излишней категоричности и абстрактности реализуемой установки «социального технократизма». Так, предложение планировать

социокультурное развитие (наиболее ярким проявлением этого являлся раздел «Повышение социальной активности личности и коммунистическое воспитание трудящихся») сегодня представляется недопустимым с позиций «угрозы нового тоталитаризма». Однако оформленное в иных, более мягких смысловых концептах (например, в концептах формирования корпоративной культуры, человеческого капитала, социальной ответственности) это предложение находит значительное число сторонников и в наши дни. Кроме того, нельзя не отметить, что несмотря на доминирование идеологии личностной свободы, а может быть и благодаря ей, в современном обществе неизмеримо возрастает возможность применения манипулятивных техник воздействия на сознание.

Метод биографической реконструкции особенно ценен тем, что позволяет зафиксировать живую ткань событий, передать эмоциональное переживание процесса. Что представляла собой практическая социологическая работа в тот период времени? В ней было все то, что есть в эмпирическом социологическом исследовании и в наши дни: полевые экспедиции и беседы с людьми, рутина обработки анкет и стремление увидеть во множестве статистических цифр тенденции социальных процессов. И конечно, в ней присутствовало точно такое же эмоциональное начало, связанное с моментами осознания необходимости или, напротив, бессмысленности своей работы.

И.: Как бы Вы оценили работу социолога в то время? С точки зрения востребованности, результативности, необходимости?

С.Э.: Мы работали очень много и долго занимались сначала планами социального развития. Потом перешли на другие проблемы. Вот до сих пор у меня, так сказать, классическое воспоминание о том, что мы сделали в Новоаннинском районе. Ну, вот я расскажу, потому что это очень интересная вещь. Уже

мы составили планы социального развития, и вдруг звонит мне первый секретарь Новоаннинского райкома Геннадий Андреевич Бородин и говорит: «*Слушай*, вот у нас такая проблема – в одном колхозе что-то у нас не получается, дела идут хуже и хуже. Вот, что-то с руководством у нас не получается». И мы решили на свой риск и страх провести исследование межличностных отношений в тройке, а тройка – это кто? Председатель колхоза, главный агроном и секретарь парткома. Вот это тройка. Провести, во-первых, исследование межличностных отношений, а, во-вторых, отношений к каждому из них со стороны колхозников. Такое, можно сказать, социально-психологическое исследование. Провели и говорим: «Геннадий Андреевич, нужно сделать вот как: председателя колхоза вернуть на секретаря парткома, а главного агронома сделать председателем колхоза». В общем, короче говоря, эти же люди остаются, но по кругу их передвинули. Проходит где-то меньше года даже, и он мне звонит и говорит: «*Слушай*, на самом деле, все получилось – и все на своих местах»!

И.: А за что Вы больше всего переживали как социолог? Что Вас волновало больше всего в своей работе? *С.Э.*: В работе? Ну, конечно же, прежде всего, вот такая вещь: некоторые хозяйства заключали с нами договора под давлением райкомов партии. Они бы сами не стали этого делать, как говорится, им сто лет не нужно было это, они считали, что все идет хорошо, или все идет так, как только может идти, и что тут социологи могут сделать? Мы часто переживали вот за что: были хозяйства, которые очень активно брались за осуществление социальных планов, которые мы разрабатывали. А были другие хозяйства ... когда мы им вручали планы социального развития, они их в ящик стола засунут и все. А потом даже не могут найти... Вот за это, переживали, конечно, потому, что работали много и трудностей было много. Попробуйте на селе поработать!

Реконструкция процесса институционализации социологии сквозь призму личного восприятия социальной реальности выявляет еще один, пожалуй, наиболее важный момент, связанный с социальной функцией науки и социальной востребованностью профессионального знания. Занимаясь социологией, С.Э. Крапивенский, прежде всего, остается философом – и потому, что пытается осмыслить повседневную реальность в контексте более высоких, вечных смыслов, определяющих течение бытия, и потому, что благодаря пониманию мудрости бытия, осознает ограниченность социально-технологического подхода, относительность социологических выводов и недолговечность любых социальных рецептов. Безусловно, этот методологический скептицизм подкрепляется общественно-политической ситуацией, связанной с процессами разрушения традиционного строя жизни, начавшимися в начале 90-х гг. Из наблюдений исследователя вырисовывается беспощадная оценка практике социального управления.

И.: А что Вам больше всего запомнилось? Если бы Вам пришлось рассказывать об истории волгоградской социологии, о чем бы вы рассказали в первую очередь?
С.Э.: Мне запомнилось одно из последних исследований, это было уже в 90-е. Оно запомнилось потому, что ... пожалуй, там мы почему-то больше, чем в других районах, столкнулись с печальной картиной и панорамой села... Понимаете, с печальной панорамой села ... Оно по сути дела вымирать стало, оно уже было почти без молодежи. Причем, что интересно? Вот парадокс такой... Экономисты кричали и социологи кричали где-то за 10 лет до этого: «Вот проведем дороги и будет все хорошо! Крестьянин сможет в город в театр поехать, значит, там и то, и се...». Построили дороги – и молодежь стала еще больше уходить из села. Вот в тот же Волжский скажем. Почему? Теперь дорога хорошая, можно на

субботу приехать домой, нагрузиться картошкой и еще чем-то и опять поехать в свой Волжский. Понимаете, вот эта картина – когда не сбылось ... Думали – вот, перспективным станет село! Главное – дороги. Даже Заславская Татьяна Ивановна напирала на дороги, академик Заславская. Вот это.

Второй момент: вот я помню, приехал туда зимой – нигде нет отопления. Вы представляете? Школы не отапливаются, сами конторы не отапливаются, клубы закрыты, не отапливаются. Нет уже у хозяйств денег на топливо! Так... теперь еще. Приезжаем в одно хозяйство, а там выстроили 2-3 новых дома... Думали, ну вот, мы тут привлечем квартирами, так пока привлекали, за зиму все, что можно было вытащить из этих домов – двери, рамы, полы – все повытаскивали.

Выбор в пользу философии был, очевидно, не случайным. В ситуации, когда все то, что считалось незыблемым вчера, отрицается сегодня, а то, что превозносится сегодня, неизбежно подвергается критике завтра, когда эмпирическая социология все больше начинает определяться конъюнктурой политических притязаний противоборствующих сторон, уход в философию становится гарантией академической независимости, а глубина философского анализа обеспечивает личностную устойчивость исследователя.

Определенные гарантии успешности научного результата дает в этом случае последовательность научного поиска. Именно в развитии региональной социологии данный принцип проявил себя в полной мере – провинциальные социологические центры становятся известными исключительно благодаря разработке определенного тематического направления, какой-то одной, довольно узкой проблемы. Достижения волгоградской социологии, если говорить о них в масштабах страны, прежде всего, рассматриваются как достижения в области социологии села, которые связаны с научными исследованиями С.Э. Крапивенского.

Философская методология научного анализа, выдвигающая требование целостного и непротиворечивого переосмысления существующего, дает возможность вписывать систему вновь возникающих социальных обобщений, основанных на разнородных и отрицающих друг друга эмпирических фактах, в единую теоретическую модель. И, безусловно, в своих исследованиях 90-х гг. С.Э. Крапивенский оставался верным выбранной однажды проблематике и методологической позиции, которая для своего объяснения потребовала обращения к новым аспектам развиваемой им синтетической социальной теории. В проблемах села предельно фокусируются проблемы всего российского общества, российской истории, будущее традиционной цивилизации, погибающей под натиском глобализации и массовой культуры. И не случайно доминирующим мотивом философских обобщений становятся в итоге проблемы духовной жизни, культуры и личности:

И.: Какие сферы на данный момент являются наиболее актуальными, интересными для социологических исследований в Волгограде? Тогда было для Вас – сельское хозяйство, а сейчас что? *С.Э.:* Я думаю, нет неактуальных сфер. Понимаете, все сферы актуальны, начиная с экономического поведения граждан, с экономического сознания граждан и кончая отношением людей к так называемой массовой культуре, которая сегодня захлестывает все и, можно сказать, в определенной степени зомбирует человека, снижает планку его... и не только общекультурную, но и нравственную планку, эстетическую планку снижает.

И.: А у Вас есть сейчас какой-то собственный проект? *С.Э.:* Я ушел в теорию... Я сейчас занимаюсь проблемой девальвации личности... на глазок всем видно, что происходит ее девальвация, но вы посмотрите – я пытался найти исследования, чтобы так же, как Левада, но хотя бы вот в этом отрезке деся-

ти лет просмотреть, что происходит с личностью, но нет таких исследований. Надо по крохам собирать... И меня сейчас интересует собрать именно то, что есть в литературе. И прийти к каким-то теоретическим обобщениям о том, что с личностью происходит.

Обращение к персональной биографии С.Э. Крапивенского, в итоге, позволяет концептуализировать важнейшие смыслы, связанные с социальным предназначением науки. Очевидно, что работа в области социологии в советское время, как впрочем и сейчас, дает исследователю-гуманитарию значительные возможности, но она же сопряжена с существованием проблемы, которая кажется неразрешимой. Исключительное внимание власти к результатам эмпирических исследований (как вследствие необходимости корректировки управленческих решений, так и вследствие опасений получить негативные оценки) порождает двойственность положения социологии как науки, так и социолога в науке. Научные исследования получают импульс для развития благодаря социальному заказу (со стороны органов власти или, если говорить о сегодняшнем дне, со стороны бизнес-структур), и, следовательно, их направленность зависит от установок заказчика. Но исследование социальной реальности, согласно требованиям научной этики, должно подчиняться принципу объективности, то есть быть независимым. Социолог, таким образом, оказывается в ситуации героя русской сказки, оказавшегося перед выбором, который не гарантирован от потерь. Он может выражать (и вполне искренне) доминирующий политико-идеологический дискурс, либо встать на сторону оппозиции, что в принципе, представляет собой одно и то же, поскольку сопряжено с утратой объективности и нейтральности суждения; он может ограничиваться исключительно статистическим анализом, избегая социальных обобщений или акцентировать внимание на тех эмпирических тенденциях и

аналитических выводах, которые соответствуют «картине миропонимания» заказчика, что в обоих случаях нивелирует саму сущность творческой научной работы; он может, наконец, просто «писать в стол», не имея возможности или не желая представить результаты своих исследований в полном объеме, что в общем имеет сугубо личностное значение. Но вследствие особого статуса эмпирической социологии, в силу ее растворенности в социальной практике, потенциальной проблемной заряженности выводов, социолог в своей работе в любом случае вынужден искать компромисс между интра- и интерсубъективными компонентами системы социального знания, а само социологическое исследование, фиксирующее дискурс повседневности и осуществляющее поиск референтов в экспертных языковых системах – академической, управленческой, идеологической – становится более или менее успешной формой реализации такого компромисса, решающей задачу гармонизации социальных отношений, оптимизации социальной ситуации по самой сути своей профессиональной предназначенности.

И сегодня, безусловно, можно спорить о том, когда возникла волгоградская эмпирическая социология и о том, какую роль играл опыт социального анализа 90-х, 80-х, 70-х гг., но утверждение о том, что теоретические обобщения эмпирических наблюдений С.Э. Крапивенского задают самую высокую планку для социологических исследований современной повседневности, представляется бесспорным. И эта планка остается такой высокой именно потому, что Соломон Элиазарович все же в большей степени был философом.